

Дмитрий Михайлов

Идеологема возрождения и конструирование алтайских национализмов

В статье на основе анализа одного из ключевых элементов национальных историографий — идеологема возрождения — предпринимается попытка ответить на вопрос, каким образом в различных по содержанию идеологических проектах, формируемых в разных социально-экономических условиях, происходит объективация и реификация концепта «алтайцы». Идеологема возрождения позволяла сибирским областникам решать фундаментальную задачу включения инородцев в современный политический процесс. В начале XX в. содержание идеологема возрождения менялось в зависимости от социальных сил, стоявших за алтайским национальным проектом: ломка традиционной картины мира породила идею Ойротии в ревитализационном смысле, местные интеллектуалы в 1917 г. эти идеи секуляризировали и поставили на службу государственного строительства, а советские деятели связали с борьбой за освобождение. Особенности сталинской национальной политики приводили к сочетанию в историографии марксистских и «позитивистских» установок, идеологема возрождения позволяла снимать теоретические противоречия между формирующимися в связи с этим контрповествованиями. Идеологема возрождения заняла центральное место в национальных процессах современной республики Алтай, которые приобрели разнонаправленный, зачастую конфликтный характер. Она позволяет безболезненно преодолевать провалы в историческом нарративе, обусловленные избирательностью социальной памяти, и тем самым обеспечивать формирование в общественном сознании гармоничного и целостного образа национального сообщества.

Ключевые слова: алтайцы, республика Алтай, областничество, национализм, социальная память.

Введение

Национальный процесс, впервые проявившийся на юге Западной Сибири в начале XX в., представлен несколькими проектами алтайской нации. В их основе лежат разные и зачастую противоречащие друг другу идеологические системы. Сибирские областники, религиозные подвижники начала XX в., советские ученые и государственные деятели в контексте меняющейся национальной политики, наконец, интеллектуалы постсоветского периода формировали и формируют свой образ национального сообщества, каждый раз наполняя его оригинальным содержанием. Таким образом, культурные и географические рамки в трактовках алтайцев в течение XX в. претерпевали существенные изменения. Тем не менее сам концепт «алтайцы», несмотря на резкие изменения ценностных ориентиров, которые лежат в основе его интерпретации, каждый раз формировал в общественном сознании образ органичного и целостного исторического субъекта.

Дмитрий Алексеевич Михайлов

Сибирский институт
управления РАНХиГС,
Новосибирск
damihan@yandex.ru

В связи с этим возникает вопрос о механизмах, обеспечивающих процесс объективации национальных сообществ. Каким образом рутинизируются революционные, переопределяющие структуры повседневности, изменения в трактовке наций? В данной работе для ответа на этот вопрос привлекается историография алтайцев, а точнее, один из элементов национальной истории алтайцев — идеологема возрождения. Исключительная роль исторического нарратива в конструировании национальных идентичностей общеизвестна. «Нации — специфические общности, формируемые в процессе создания истории»¹, — констатирует Рональд Суни [Suny 2001: 869]. Штефан Бергер подчеркивает: «[Э]тнизация и сакрализация нации формируются только в контексте истории и культурного наследия» [Berger 2006: 6].

Одно из центральных мест в нарративе национальных историй занимает идеологема возрождения. На универсальность и эффективность ее организационных возможностей указывает уже тот факт, что, как правило, она выносится на «фасад» национальных движений, будь то «Рисорджименто», «Третий рейх», «Эрец-Исраэль», очередная республика во Франции и т.п. В известной работе Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» идея национального пробуждения понимается как имманентно присущее национализму качество, которое формируется с момента зарождения национальных движений [Андерсон 2001: 210]. В данной статье идеологема возрождения рассматривается в контексте развития алтайского национального дискурса.

Идея возрождения Сибири в идеологии областников

Истоки алтайского национализма, как и появление национального дискурса в Сибири в целом, тесно связаны с творчеством сибирских областников. Они впервые предприняли попытку реализовать в Сибири демократический политический проект. Для этого областникам понадобился политический субъект — народ. Н.М. Ядринцев особое внимание уделил формальному вычленению сибирского областного типа. В его программной работе «Сибирь как колония» (1882) подробно описываются особенности сибирского населения, выделяются его культурные, антропологические, психологические свойства. Он рассматривает сибиряков как вариант великоросской народности, сформировавшийся в особых климатических и этнологических условиях. При этом проявляется двойственное отношение к инородцам. С одной стороны, контакты с ними

¹ Здесь и далее перевод мой.

являются основным фактором появления сибирского областного этнографического типа, с другой — Ядринцев с большой осторожностью характеризует последствия смешения с «низшей расой» [Ядринцев 2000: 57].

Со временем, пережив череду кризисов [Сесюнина 1974: 93, 128–129], сибирское областничество меняет свое отношение к инородцам. Теперь они рассматриваются как культурная сила, способная стать основой будущего национального движения. Как показывает В. Тольц, в этом отношении областники стали предтечей будущих отечественных ориенталистов с их стремлением укреплять общерусскую идентичность через усиление национальной идентичности инородцев [Тольц 2013: 48].

Большое внимание областники уделили историческому обоснованию своих политических целей. Первоначально они пытались сформировать чувство сибирского единства через осмысление истории русской колонизации Сибири. Апофеозом деятельности областников в этом направлении стало празднование 300-летия похода Ермака. Однако по мере изменения трактовки культурного содержания сибирского сообщества они все больше внимания начали уделять истории местных народов. Важным подспорьем в этом служили открытия уникальных археологических материалов, этнографические и лингвистические наблюдения.

Ядринцев со свойственной ему страстью обосновывал высокий уровень культуры сибирского населения в древности и средневековье. В противовес цивилизаторской политике он пытался доказать былое величие сибирских аборигенов, в частности существование у них в древности земледелия. «Сравнительные изыскания, — делает вывод Ядринцев, — привели нас к заключению, что в древние времена инородческая культура в Сибири имела более совершенное развитие и достигала высшей степени, но позднейшие перевороты и завоевания стерли ее, и нынешний инородческий быт отступил и сохраняет лишь отчасти древнее искусство народов» [Ядринцев 1885а: 172].

В своих этноисторических построениях Ядринцев опирался на данные об индоевропейском происхождении обитавших в Центральной Азии племен юэджи: «Этим же может быть объяснено в самих тюркских языках влияние индоевропейское, наконец, самое сходство минусинских рун с готскими и европейскими. Едва ли нужно поэтому переносить руны от европейских готов и финнов к азиатским народам, когда мы видим происхождение этих народов в Азии» [Ядринцев 1885б: 474]. Не останавливаясь на этом, он пытается показать связь местной культуры с европейской цивилизацией и даже первичность ее по отношению к последней: «Таким образом сама европей-

ская история и культура не могли обойтись без влияния этих народностей. Арийские племена также не миновали севера Азии и Сибири» [Ядринцев 1885а: 173].

Рассуждения о былом величии замыкались на идее возрождения Сибири:

Чем может отразиться возрождение этих народностей, проявление их таланта и народного гения — это загадка будущего. Многие азиатские народности выдвигали учителей человечества и творили своеобразные цивилизации. Таким образом, введение в мировую жизнь и область духовного творчества других племен не может остаться без результатов [Ядринцев 2000: 132].

Схожие идеи на фольклорном материале развивал в своей «восточной гипотезе» Г.Н. Потанин. Сама методология сравнения современного ему этнографического материала со средневековым эпосом подразумевала идею древней легендарной истории сибирских народов. Потанин последовательно проводит мысль о том, что ранее «ордынцы» обладали более высокой культурой [Потанин 1899: 2]. Логичным обоснованием преемственности отсталого населения аборигенов золотому веку древности служила идея возрождения: «Появление мысли о национальном возрождении двух больших народов Средней Азии, монгольского и киргизского, или о приобщении их к европейской жизни весьма естественно в уме путешественника, в особенности русского» [Потанин 1881: III].

Народ рассматривался областниками как вневременная универсальная сущность, имеющая сколь угодно глубокую историю, для которой характерны взлеты и падения. Главная их задача в исторических сочинениях заключалась в обосновании причастности народов Сибири к мировому историческому процессу. Причем для региональной концепции областников было неважно, какую использовать аргументацию: что Восток и Запад имеют одинаково значимое для мировой культуры прошлое, что «европейцы» непосредственно вышли из Сибири или что сибирские народы оказали решающее культурное влияние на «европейцев». Признание исторической субъектности аборигенов Сибири означало возможность их «возрождения», т.е. включения в модерновый политический процесс.

Деятельность сибирских областников придала импульс национальному процессу в Сибири, следствием чего стало формирование не только сибирского национализма, но и сибирских национализмов. Как справедливо отмечал М.Г. Худяков, областной «патриотизм» Ядринцева, с его «громким прошлым и бедным настоящим», послужил основой для дальнейшего

развития областнических и националистических концепций в истории Сибири [Худяков 1934: 139]. Идеи областников решительным образом повлияли на мировоззрение первых интеллектуалов Алтая. Местные национальные кадры формировались там целенаправленно, путем секуляризации немногочисленных воспитанников станов и школ Алтайской духовной миссии (см. подробнее: [Михайлов 2015: 77–78]). Благодаря областникам в процессе воспроизводства коллективных идентичностей на Алтае на смену религиозному провинциализму приходит идея национальной судьбы, при этом ключевым механизмом легитимации национального сообщества становится идеологема возрождения.

Национальное строительство и бурханизм

Выступление алтайцев в долине реки Теренг весной 1904 г. было охарактеризовано как «национальное» еще первыми исследователями этого феномена. В советской историографии преобладала трактовка бурханизма как национально-освободительного движения, которое после революции приобрело реакционные черты [Данилин 1993]. Утвердившаяся в современном национализмоведении конструктивистская парадигма делает акцент на изучении роли интеллектуалов, в то время как вопрос о распространении национальных чувств среди широких слоев населения остается малоизученным. Исследование традиционного общественного сознания осложняется тем, что народная культура — это культура по преимуществу устная. Обращаясь к этой проблеме, Эрик Хобсбаум вводит понятие «народного протонационализма» (*popular proto-nationalism*). Он обращает внимание на эволюцию различных факторов групповой идентичности (языкового, религиозного, этнического), в конечном счете признавая, что решающее влияние на процесс формирования нации оказывает государство [Hobsbawm 2012: 46–80].

Связь населения Алтая и интеллектуалов — организаторов нации выглядит тем более спорной, что, во-первых, группа национальных активистов на Алтае была крайне малочисленной, а во-вторых, алтайский проект имел очевидные инфраструктурные и институциональные ограничения: отсутствие коммуникаций, непривычность населения к городскому образу жизни и т.д. Все это заставляет взглянуть на бурханизм как на предпосылку включения масс в новую, национальную культурно-политическую систему. С этой точки зрения важно зафиксировать не столько логику развития традиционных — родовых и религиозных — идентичностей, сколько их кризис и эрозию.

Одной из наиболее распространенных форм народных движений периода распространения капиталистических отношений был бунт, который в современной историографии понимается как способ социальной самоорганизации и особый адаптивный механизм, облегчающий включение сообщества в новый общественно-политический контекст [Чеканцева 1996]. Именно такую форму приобрело выступление алтайцев в долине Теренг. Протест в духе моральной экономики стал реакцией на катастрофические для традиционных социальных структур алтайцев последствия распространения на Алтае рыночных отношений, землеустроительной и административной реформ конца XIX — начала XX в. В то же время образованный социальным кризисом идеологический вакуум способствовал быстро распространению новых представлений.

Обоснование нового сообщества строилось вокруг издавна бытовавшей в фольклоре тюркских племен Алтая легенды о пришествии Ойрот-хана. На это обратили внимание еще представители Алтайской православной миссии: «Вера в пришествие Ойрота, выражавшаяся прежде лишь в легендах, в силу политических обстоятельств последних лет, перешла у них в реальную почву» [Бурханизм — белая вера 2014: 143]. Л.И. Шерстова отмечает: «В алтайском обществе издавна бытовали легенды о пришествии Ойрот-хана — “спасителя и праведного судии”, а поскольку традиция героя “вживе” существовала, постольку слухи о новом Ойрот-хане (как и само его прибытие) были довольно привычны алтайцам» [Шерстова 2010: 139].

Как видим, ключевым идеологическим механизмом адаптации к новым условиям стала все та же идея возрождения. При всей естественной реакционности и инертности ревитализационного выступления алтайцев, бурханизм обладал и принципиально модерновыми чертами. Во-первых, он разрушал культурные и географические рамки прежней социальной организации. Как замечает А. Знаменский, принципиальная новизна бурханизма по сравнению с традиционными религиозными формами заключалась в том, что он был индифферентен к родовой организации общества [Znamenski 2005: 35]. Во-вторых, образ Ойрот-хана приобретал форму коллективной идентичности. В картине мира проповедников «Белой веры» идеология возрождения проявилась в образе Ойрот-хана, который символизировал общность происхождения населения Алтая [Znamenski 1999: 237]. На это же обращает внимание Л.И. Шерстова, которая полагает, что отождествление с легендарным Ойротом носило этнический характер: «Фигура Ойрот-хана (по крайней мере, для большинства известных ныне преданий и молитв бурханистов) является, очевидно, не столько собирательным образом правителей Джунгарии, сколько идеализиро-

ванным осмыслением великого прошлого, олицетворением “золотого века”, и потому отражением в этом имени былого могущества ойратских государей и их этнической принадлежности» [Шерстова 2010: 2004].

Кроме того, революционная среда автоматически политизировала любые виды манифестаций. Обстановка в государстве навязывала национальную повестку активным проявлениям культурного своеобразия, тем самым способствуя превращению культурной идентичности в политическую. Широкий общественный резонанс выступления бурханистов связан именно с тем, что власти разглядели в нем политическую составляющую. По мнению А.М. Сагалаева, «[в] этом образе как бы реализовались надежды и чаяния народа на лучшее будущее, на обретение независимости, в фольклоре ожила память о былом великодержавии» [Сагалаев 1992: 20]. Царская администрация интерпретировала это как попытку восстановления «калмыцкого царства» с царем Ойротом [Бурханизм — белая вера 2014: 143]. Однако обвинению не удалось доказать политический характер бурханизма, и участники выступления были оправданы.

По-настоящему политический потенциал идеи восстановления Ойротии проявился в 1917–1918 гг. В результате революционных событий немногочисленные интеллектуалы Алтая оказались непосредственно перед растерянными массами алтайского населения. Сформулированная в областническом дискурсе идея самоопределения ограничивалась системой традиционных представлений, поэтому «конструирование алтайцев» представляло собой реинтерпретацию седиментированных мифологических сюжетов. В новых условиях создатели первого органа самоуправления алтайцев — Каракорум-Алтайской окружной управы — связали идею возрождения золотого века Ойротии с идеей независимого мощного государства.

Концепция Ойротии была озвучена этнографом В.И. Анучиным, который в программном выступлении на Учредительном съезде представителей Горного Алтая в феврале 1918 г. заявил о «необходимости объединения земель бывшего государства Ойрат в самостоятельную республику, с присоединением к Обще-Российской республике» [Протоколы заседаний 1918: 16]. В нее должны были войти Русский Алтай, земли Минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгария, планировалось также создание столицы в районе с. Союзга [Там же: 20]. В итоге съезд принял «Положение о комиссии по делам республики “Ойрат”» для «организации и открытия учредительного Курултая народов, входивших в состав государства ОЙРАТ» [Там же: 53]. Новая политическая идентичность приобретала выраженные национальные черты, ведь

одним из центральных понятий политического дискурса устроителей алтайской автономии было «самоопределение», что автоматически подразумевает наличие «самого» — народа как политического субъекта.

Перипетии Гражданской войны перечеркнули планы алтайских борцов за национальное самоопределение. Процесс суверенизации Алтая получил развитие уже в рамках становления советской национальной политики. Обоснования Ойротии взял на себя сначала тот же В.И. Анучин, а позднее представитель Алтайского ревкома Л. Сары-Сеп-Конзачаков. Как показывает А. Знаменский, последнему удалось в духе времени сформулировать идею возрождения Ойротии в марксистских терминах. Теперь она должна была символизировать надежды на социальное и национальное освобождение от ига колониализма. Роль Ойрота, защитника всех угнетенных, в этой концепции логично выполнял В.И. Ленин [Znamenski 2005: 50].

В годы революционного кризиса содержание идеологемы возрождения менялось в зависимости от стоявших за алтайским национальным проектом сил. Ломка традиционной картины мира породила ревитализационную трактовку возрождения Ойротии, местные интеллектуалы в 1917 г. эту идею секуляризировали и поставили на службу государственного строительства, а советские деятели связали с борьбой за освобождение от колониального ига.

«Возрождение» алтайцев в перипетиях советской национальной политики

В первые годы строительства советской Ойротии проблемы национализма отошли на задний план. Лидеры новой республики подходили к вопросу трактовки алтайской автономии по-марксистски функционально. По поводу объединения ойротов председатель Областного революционного комитета Н.Ф. Меджит-Иванов заметил: «Мы хорошо знаем, что населяющие эти земли народы родственны нам по крови, и быть может наступит время когда мы с ними будем находиться под единым флагом, на котором будет красоваться эмблема труда. Но в то время [т.е. в период Гражданской войны] говорить об этом было злым умыслом — обманывать народ, играть на национальной струнке — политически отсталого алтайского населения» [Протоколы Первого областного съезда 1923: 71]. С его точки зрения, национальный принцип должен был быть поставлен в подчинение экономическому: «Выделение нашей Области в автономную единицу состоялось главным образом по старым

¹ Привожу цитаты с сохранением пунктуации и орфографии оригинала.

архивным данным и во главу угла были положены национальные признаки — экономические-же признаки остались в тени, и эта существенная сторона должным образом учтена не была» [Протоколы Первого областного съезда 1923: 104].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в поэме одного из первых поэтов Алтая П.А. Чагат-Строева «Кара-Корум», написанной в 1927 г., Ойротия упоминается в негативном контексте, в частности, главаря белогвардейской банды Сатунина автор называет «ойротским богатырем» [Очерки по истории алтайской литературы 1969: 41].

Однако марксистская парадигма в советской национальной политике господствовала недолго. Уже в середине 1930-х гг. идеология делает резкий поворот к национализму [Слезкин 1993: 113–125; Shnirelman 1995: 120–139]. «Вульгарный социологизм» был осужден, а марксистская риторика теперь стала служить прикрытием методологического инструментария прошлого века.

В 1937 г. в связи с конкурсом на создание учебников истории нарком просвещения А.С. Бубнов делает замечание в отношении малых народов: «Они выступают по большей части как объекты исторического “воздействия”, а не как субъекты истории» [Дубровский 2004: 32]. В новых описаниях титульных народов они должны были быть представлены как самостоятельные субъекты с глубокой и яркой историей. Теперь в представлениях о современных нациях, по выражению Т. Мартина, внимание было сконцентрировано на «примордиальных корнях» [Мартин 2011: 607]. Это привело к причудливому переплетению в науке и общественной жизни классового и этногенетического дискурса. Первый был сосредоточен на демонстрации новизны алтайской нации и роли социализма в ее появлении, второй формировал представление о значительной и древней истории алтайского народа. В советской историографии идея возрождения не только являлась фактором строительства новой национальной идентичности, но и позволяла преодолевать теоретические противоречия советской методологии.

В этом отношении показательно творчество известного этнографа Л.П. Потапова — ведущего советского специалиста по алтайцам, чьи труды во многом определяли развитие алтайского национального сознания второй половины XX в. Его первая обобщающая работа «Очерки по истории Ойротии», написанная в пору марксистского натиска, начинала историю Ойротии с русской колонизации и была сосредоточена на поиске классовых отношений и противоречий, в то время как в названии следующей обобщающей монографии «Очерки по истории алтайцев» на первое место вынесен уже не админи-

стративный, а этнический субъект. Это исследование было написано в связи с переименованием Ойротии в Горно-Алтайскую автономную область. Характерно, что отказ от проекта Ойротии обосновывался уже не социально-экономическими, а культурно-политическими причинами, в частности, династическим прочтением алтайцами термина «ойрот» [От уезда к республике 2001: 90], ведь «ойрот» теперь трактовался не как национальная принадлежность, а как подданство, что было неприемлемо в условиях советской власти. Критику проекта республики Ойротия Потапов вел также с исторических позиций, подчеркивая, что средневековая Ойротия — это военно-феодалное государство западных монголов, которое жестоко угнетало многие народы, в том числе тюркоязычные племена и народы Саяно-Алтая [Потапов 1973: 12].

Во втором издании «Очерков по истории алтайцев» под влиянием статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Потапов вносит дополнения по двум актуальнейшим проблемам: происхождению и современной национальной консолидации алтайцев [Потапов 1953: 1]. При этом он замечает, что «[п]одлинная история алтайцев началась с возрождения этой народности в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции» [Там же: 2]. Таким образом, идеологема возрождения позволяла сочетаться и самостоятельно развиваться двум различным методологиям, которые с известной долей условности можно назвать марксистской и позитивистской. Национальное сообщество получало теоретические обоснования для строительства полноценного исторического нарратива с древнейших времен, оставаясь при этом продуктом советской власти. Ю.В. Бромлей, к примеру, относил алтайский этникос (этнос) к неогенетическим, возникшим при социализме [Бромлей 1983: 387].

Стоит заметить, что Потапов, как и в целом советская этнография во второй половине XX в., больше внимания уделял проблемам происхождения народов [Потапов 1969: 2]. Глубокая древность предмета исследования подспудно диктовала циклическое прочтение исторического процесса, которое мирно уживалось с идеей поступательного развития. У Потапова это, в частности, выразилось в сравнении прогресса советского периода с подъемом культуры алтайцев в тюркское время, прерванным монголами, и последующим развитием, остановленным джунгарами [Потапов 1942: 47; 1953: 442]. Характерно в этом отношении и следующее его высказывание: «[К]очевые племена, особенно крупные, вовсе не исчезают бесследно, даже в самые драматические времена их жизни, в период войн и поражений, а рассеиваются и вновь появляются, вновь консолидируются под старым или новым названием» [Потапов 1969: 9].

Классовый и этногенетический подходы к трактовке алтайской нации по-разному расставляли акценты в определении поворотного пункта алтайского возрождения. В первом случае подчеркивалось значение Октябрьской революции, во втором — вхождения алтайцев в состав России. Последнее событие стало популяризироваться в период «оттепели». Одним из инициаторов празднования присоединения Алтая, а также установки мемориальной стелы на Семинском перевале в 1956 г. был все тот же Л.П. Потапов [Модоров 2007: 282–292]. Соответствующим образом распределились и два жанра местной публицистики: в юбилейных изданиях партийные руководители подчеркивали коренное значение «животворящей силы социализма» (см., например: [Кадырашев 1956: 53; Дорохов 1962: 13; Тартыков 1967]), в то время как для оформившейся к 1960-м гг. местной интеллигенции более привлекательной была тема древней легендарной истории алтайцев [Михайлов 2013: 43].

Алтайские «возрождения» в постсоветский период

Во второй половине 1980-х гг. с эрозией советской, социалистической легитимности страну охватил процесс «национально-культурного возрождения». Его институционализация приходится на начало 1990-х гг., когда Совет национальностей Верховного совета РФ принял Концепцию государственной программы национального возрождения народов Российской Федерации. В документе идея национального возрождения ставилась в зависимость от демократического процесса: «Возрождение и обновление национальной жизни народов России является неотъемлемой частью общего процесса формирования гражданского общества и становления правового государства» [Концепция государственной программы 1992: 3].

В новой политической ситуации две нарративные стратегии национальной истории алтайцев приобрели характер контрповествований. С крушением социализма официальная тема алтайского национализма была дискредитирована, а вместе с ней потеряла актуальность и идея прочтения алтайской нации как результата Октябрьской революции. Основой общественно-политического дискурса стали позитивистские представления, что определило пути развития алтайского национализма в постсоветский период. Важно отметить, что идея культурного возрождения не являлась революционной для общественного сознания времен перестройки, а была логичным развитием традиций советской историографии.

Началом движения национально-культурного возрождения на Алтае стало обсуждение вопроса о возрождении языка и строительство Катунской ГЭС [Казанцев, Жуков 2010: 155–156].

Поворотным стал 1988 г., когда оформился алтайский национальный праздник Эл-Ойын и появилась общественная организация «Эне Тил», ставившая перед собой цель сохранения алтайских традиций и языка.

Алтайское национально-культурное возрождение развивалось по трем направлениям: во-первых, возрождение бурханизма как национальной религии; во-вторых, возрождение традиционных родовых социальных форм — сеоков; в-третьих, возрождение алтайской государственности.

В первом случае отправной точкой стало образование в мае 1991 г. первой религиозной общины «Ак-бурхан». Местные интеллектуалы понимали бурханизм как национальную традицию, которая продолжала существовать в СССР в скрытой форме: «Бурханизм выстоял и под чудовищным катком в эпоху политических гонений» [Бедюров 2004: 12]. Сейчас же пришло время его «вновь понять и возродить» [Екеева, Екеев 2004: 21]. «Мы, — отмечает известный общественный деятель Б.Я. Бедюров, — новая генерация бурханистов XXI в., в ответе за будущность своей земли, своего народа и своей веры» [Бедюров 2004: 14]. Поскольку четких представлений о содержании новой веры ни у кого существовать не могло, религиозное «возрождение» проявилось в по сути бесконечном числе реминисценций (с разной степенью аутентичности цитированиями из бурханизма начала XX в., христианства, буддизма, шаманизма). Это неизбежно привело к противоречиям как между конкурирующими трактовками «Белой веры», так и между «элитными» и «народными» религиозными интерпретациями [Broz 2009: 25–30; Арзютов 2010: 92–94].

В это же время начинает развиваться движение родовых организаций — сеоков. В 1989 г. на родовом празднике сеокамаймане впервые был поднят вопрос о выборах главы рода — зайсана [Ябыштаев 2013: 115]. Первыми институализировались родовые группы Тодош и Кергил, которые были преобразованы в общественные объединения «Тодош» и «Кергил Берлик» [Тюхтенева 2009: 30, 35]. В качестве ключевой проблемы в их программных документах обозначалось возрождение традиций. В 1996 г. Эл Курултай Республики Алтай принял решение «признать существование исторической преемственности деления алтайцев на родовые сеоки» [Об обращении зайсанов 12 сеоков 1996]. Итогом этого процесса стало создание в 1997 г. Совета зайсанов Алтая.

В свою очередь, активисты политического возрождения республики Алтай апеллировали к наследию Алтайской Горной думы и Каракорума. Эти тенденции ярко проявились в формировании образа национального героя, главы Каракорума

Г.И. Чорос-Гуркина. Отправной точкой стала научно-практическая конференция, посвященная 120-летию со дня его рождения, которая прошла в январе 1991 г. Ее материалы были опубликованы под характерным названием «Возвращение» [Возвращение 1993]. Если в советский период было принято рассматривать деятельность Гуркина в революционное время как ошибку [Эдоков 1967: 68], то теперь его провозгласили выдающимся политическим деятелем. Летом 2006 г. в центре Горно-Алтайска появился памятник художнику, при открытии которого администрация республики объявила Гуркина основателем алтайской государственности (подробнее см.: [Михайлов 2008: 255]).

Активное развитие алтайского национализма в постсоветский период оказалось под двойным давлением, которое выразилось в той же форме движений за «возрождение». «Внешнее» давление проявилось в национальных движениях казахского и русского населения республики. В 1990 г. в Барнауле на съезде казахской национальной элиты было объявлено о создании общества «Берлик», а в июле того же года в Кош-Агаче был проведен 1-й Курултай казахов Алтайского края и Горно-Алтайской автономной области. Показательно, что казахской национальной элитой были выдвинуты цели, схожие с целями алтайской организации «Эне Тил» [Казанцев, Жуков 2010: 162]. В том же 1990 г. в процесс возрождения включилась и русская общественность, создав традиционалистское «Общество ревнителей русской истории и культуры». В начале 1992 г. в с. Майма прошел Учредительный круг (собрание) Горно-Алтайских казаков. Целью было также заявлено «восстановление и сохранение казачества на Алтае как этнической формации» [Там же: 164].

Возрождение алтайского народа спровоцировало и «внутреннее» давление в виде возрождения «коренных малочисленных этносов» Алтая. «Этническая мобилизация алтайских субэтносов происходила под воздействием идей национально-культурного возрождения алтайского народа», — замечает по этому поводу А.П. Чемчиева [Чемчиева 2012: 32]. В 1992 г. Президиум ВС Республики Алтай постановил образовать «комиссию по защите прав северных этносов Алтая» (тубаларов, кумандинцев, челканцев). В 1998 г. вышло распоряжение главы Республики Алтай, которое называлось «Возрождение и сохранение коренных малочисленных исчезающих этносов Республики Алтай — тубаларов, чалканцев, кумандинцев» [Там же: 39]. Большую роль в развитии этих движений играли федеральные программы поддержки коренных малочисленных народов.

Процесс возрождения малочисленных народов Алтая привел к тому, что стало ставиться под сомнение само существование

алтайской нации. Возникли конкурирующие этнические трактовки коренного населения республики. В частности, высказывалась точка зрения, что историческое самоназвание алтайского народа — теленгиты [Тенгерев 2001]. Встревоженная элита стала прилагать усилия по консолидации населения республики. Характерно, что в используемой при этом аргументации вновь зазвучала мысль о молодости алтайской нации [Чемчиева 2012: 198].

Разнонаправленность национальных «возрождений» современного Алтая имеет свои предпосылки. Во-первых, в республике не сложилось консолидирующих социально-экономических факторов, что выражается в слабости коммуникаций, отсутствии единого производственного комплекса, сельском образе жизни 70 % населения. Во-вторых, динамично развивавшиеся рыночные отношения, а также особенности распределения бюджетных средств создают у различных групп элит конкурирующие экономические интересы, отстаивать которые удобнее с национальных позиций. В-третьих, наследием советской национальной политики стал переизбыток местных интеллектуалов, которые в новых условиях активно подвизаются на ниве национального мифотворчества. В-четвертых, в обществоведении господствуют «позитивистские» установки, которые трактуют национальные сообщества как универсальные субъекты исторического процесса с неизменным набором основных качеств.

Заключение

Национализм является процессом, определяющимся социально-экономической конъюнктурой, следовательно, причины изменений национальных исторических нарративов лежат вне историографии, их невозможно понять, «просто рассматривая историю идей и интерпретаций текстов. Напротив, нужно начать с вопросов о культурных и политических властных отношениях внутри обществ, опирающихся на “нации”» [Бергер 2012]. В течение XX в. алтайские национальные проекты под влиянием внешних обстоятельств претерпели ряд трансформаций, порой сопровождавшихся кардинальной сменой ценностных ориентиров. Каждый алтайский национализм создавал органичный образ нации, основывающийся на целостной картине прошлого. Ключевую роль в обеспечении этой целостности, благодаря своим универсальным свойствам, играла и играет идеологема возрождения.

Воспроизводство национального сообщества требует регулярного обновления исторической трактовки национального единства. Каковы бы ни были исходные предпосылки транс-

формации системы ценностей конкретного сообщества, она неизбежно приводит к изменениям в содержании идеологемы возрождения и, как следствие, в переносе, хронологическом и/или географическом, «золотого века». Идеологема возрождения позволяет безболезненно преодолевать провалы в историческом нарративе, обусловленные избирательностью национальной памяти. С ее помощью обеспечивается важнейшее свойство социальной памяти — ощущение непрерывности существования сообщества. Это оказывается особенно востребованным в условиях межэтнического конфликта, когда национальные интеллигалы стремятся «игнорировать исторические периоды хороших взаимоотношений, и тогда образ конфронтации приобретает вневременной характер» [Шнирельман 2016: 118]. Кроме того, благодаря идеологеме возрождения образ врага может организовываться средствами собственного исторического нарратива, что проявляется в дискредитации определенного периода, который наделяется свойствами, противоположными «истинно национальным». Политический смысл этого явления сводится к распространению негативных качеств на современных оппонентов. Так, для бурханистов начала XX в. период упадка связывался с деятельностью шаманов. Информант Г.Н. Потанина так характеризовал отношение к прошлому жителей Алтая после утверждения бурханизма: «[Н]икаких сказок в крае теперь никто не знает, что здесь распространилась белая вера, и все сказки, старые песни и все тому подобное забыто и истреблено, как истреблены маньяки и бубны, преданные огню» [Шастина 2015: 43]. В советской историографии алтайцы освобождались от цепей рабства и гнета различных азиатских ханов и царизма [Потапов 1953: 5]. В конце XX в. национально-культурное возрождение, напротив, было ориентировано на дискредитацию советского периода, который понимался как нарушение естественного хода развития алтайской нации, прерванного революцией. Это находит поддержку и в академической среде. К примеру, с точки зрения Л.И. Шерстовой, советское национальное строительство не имело той «этноидеологической основы, которую породила бы эндогенная эволюция этноса алтай-кижи как такового» [Шерстова 1997: 203].

Пользуясь терминологией Мирчи Элиаде [Элиаде 2000: 72], можно сказать, что идеологема возрождения погружает сообщество в атемпоральное мифическое измерение. Там, где историческое сознание последовательно выстраивает причинно-следственные цепочки, национальная, внутренняя логика ищет разрыв, игнорируя не соответствующие политической конъюнктуре факты, события, периоды. Мемориальные точки, на которые опирается национальный исторический про-

цесс, оказываются вырваны из контекста и подчинены современным ценностным ориентирам, что, даже создавая порою парадоксальные нарративные комбинации, не нарушает, а, напротив, укрепляет органичность образа нации: хронологическая дискретность обеспечивает идеологическую целостность.

Источники

- Бедюров Б.Я.* Приветствие // Движение Ак-Янг (белая вера) — бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: Мат-лы науч. конф., посвященной 100-летию событий в долине Теренг / Под ред. Н.В. Екеева, Н.М. Екеевой, Н.А. Майдуровой и др. Горно-Алтайск: Б.и., 2004. С. 12–14.
- Бурханизм — белая вера (Ак жан): документы и материалы (к 110-летию событий в долине Теренг): Сборник / Сост. Н.В. Екеев, Н.А. Майдурова. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2014. 243 с.
- Данилин А.Г.* Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 206 с.
- Дорохов Р.А.* В братской семье советских народов // В братской семье народов СССР / Под ред. П.Е. Тадыева. Горно-Алтайск: Горно-алтайское кн. изд-во, 1962. С. 5–40.
- Екеева Н.М., Екеев Н.В.* Движение бурханистов на Алтае: осмысление через столетие // Движение Ак-Янг (белая вера) — бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: Мат-лы науч. конф., посвященной 100-летию событий в долине Теренг / Под ред. Н.В. Екеева, Н.М. Екеевой, Н.А. Майдуровой и др. Горно-Алтайск: Б.и., 2004. С. 15–25.
- Кадырашев Ч.К.* Значение добровольного вхождения алтайского народа в состав России // Улу најылык = Великая дружба: 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России / Под ред. М.Ф. Саруевой. Горно-Алтайск: Горно-алтайское кн. изд-во, 1956. С. 41–78.
- Концепция государственной программы национального возрождения народов Российской Федерации. М.: Б.и., 1992. <<http://www.scrf.gov.ru/documents/27.html>>.
- [Об обращении зайсанов 12 сеоков 1996] Президиум Государственного собрания — Эл Курултай Республики Алтай. Постановление от 30 декабря 1996 года № 228. Горно-Алтайск. <<http://docs.cntd.ru/document/802024420>>.
- От уезда к республике: Сб. архивных документов / Под ред. Д.И. Табаева, Е.П. Пак. Горно-Алтайск: Горно-алт. респ. тип., 2001. 276 с.
- Очерки по истории алтайской литературы / Под общ. ред. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск: Горно-алтайское отделение Алт. кн. изд-ва, 1969. 192 с.
- Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поруч. Имп. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. одного Г.Н. Потаниным. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1881. Вып. 1. 87 с.

- Потанин Г.Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Геогр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899. X+893 с.
- Потанов Л.П.* Возрожденный народ. (Краткие очерки по истории алтайцев). Новосибирск: ОГИЗ, 1942. 50 с.
- Потанов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. 2-е изд. М.; Л.: АН СССР, Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая, 1953. 444 с.
- Потанов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк / Отв. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Потанов Л.П.* Предисловие // Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Под ред. и с предисл. проф. Л.П. Потапова. Горно-Алтайск: Горно-алтайское отделение Алт. кн. изд-ва, 1973. С. 5–21.
- Протоколы заседания, состоявшегося в с. Улале 21–27 февраля (с. с.) 1918 года, Учредительного Горно-Алтайского Краевого Съезда инородческих и крестьянских депутатов. Барнаул: Тип. Алт. кооп. союзов, 1918. 60 с.
- Протоколы Первого областного съезда Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. 1–5 мая 1923. Изд-во Ойратского облисполкома, 1923. 137 с.
- Тартыков О.И.* Культура возрожденного народа // Под знаменем Октября (Горный Алтай за 50 лет Советской власти). Горно-Алтайск: Горно-алтайское отделение Алт. кн. изд-ва, 1967. С. 85–116.
- Тенгерекоев И.С.* Теленгеты: историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер-Белуха, 2001. 80 с.
- Эдоков В.И.* Г.И. Гуркин. Очерк о жизни и творчестве. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1967. 116 с.
- Ядринцев Н.М.* Начало оседлости // Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / Под ред. Н.М. Ядринцева. СПб.: Издание ред. «Восточного обозрения», 1885а. С. 139–177.
- Ядринцев Н.М.* Древние памятники и письма в Сибири // Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / Под ред. Н.М. Ядринцева. СПб.: Издание ред. «Восточного обозрения», 1885б. С. 456–476.
- Ядринцев Н.М.* Сочинения. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 1: Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Под ред. С.Г. Пархимовича. 479 с.

Библиография

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

- Арзютов Д.В.* Социальная сеть религиозного движения (к проблеме понимания современного Ак-Жан на Алтае) // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 92–94.
- Бергер Ш.* Национальные историографии в транснациональной перспективе: Европа в XIX и XX вв. // Гефтер. 2012, 8 окт. <<http://gefter.ru/archive/6412>>.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Дубровский А.М.* Указующий документ 1937 г. // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова: Сб. ст. / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: РАН, 2004. С. 30–35.
- Казанцев А.Ю., Жуков А.В.* Влияние этносоциальных процессов на становление общественных движений и формирование политических партий в Горном Алтае в последнее десятилетие XX века // Горный Алтай: история социального развития второй половины XX века / Научн. ред. О.А. Гончарова. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. С. 155–179.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.
- Михайлов Д.А.* Образ Г.И. Гуркина как элемент национального самосознания алтайцев // Общество и этнополитика: Мат-лы научно-практ. интернет-конференции, 1 апреля — 15 июня 2008 г. / Под ред. Л.В. Савинова. Новосибирск: СибАГС, 2008. С. 251–258.
- Михайлов Д.А.* Алтайский национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 37–51.
- Михайлов Д.А.* Сибирское областничество и зарождение алтайского национализма // Этнографическое обозрение. 2015. № 6. С. 68–85.
- Модоров Н.С.* Леонид Павлович Потапов — выдающийся исследователь истории, этнографии народов Сибири и Центральной Азии // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: Сб. биогр. очерков / Под ред А.К. Кириллова. Новосибирск: Сова, 2007. С. 282–292.
- Сагалаев А.М.* Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992. (Страницы истории нашей Родины). 176 с.
- Сесюнина М.Г.* Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. 137 с.
- Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Советская этнография. 1993. № 2. С. 113–125.
- Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднейимперский и раннесоветский период / Пер. с англ. М.: НЛЮ, 2013. 336 с.
- Тюхтенева С.П.* Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX в. Элиста: Изд-во КамГУ, 2009. 169 с.

- Худяков М.Г.* Дореволюционное сибирское областничество и археология // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 135–143.
- Чемчиева А.П.* Алтайские субэтноты в поисках идентичности. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2012. 254 с.
- Шастина Т.П.* Шаман в литературном образе советской литературной окраины. Ойротия, 1920–1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 43–53.
- Шерстова Л.И.* Бурханизм в Горном Алтае. Истоки национальной идеологии и тенденции ее развития // Народы Сибири: Сибирский этнографический сборник / Отв. ред. З.П. Соколова. М.: Изд-во ИАЭ РАН, 1997. Кн. 3. Вып. 8. С. 171–215.
- Шерстова Л.И.* Бурханизм: истоки этноса и религии / Отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: ТГУ, 2010. 287 с.
- Шнирельман В.А.* Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 100–129.
- Элиаде М.* Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова, Н.К. Гарбовского, А.А. Васильевой. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
- Ябыштаев Т.С.* Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 112–117.
- Berger S.* Towards Global Perspectives on the Writing of National Histories // Representations of the Past: The Writing of National Histories in Nineteenth and Twentieth-Century Europe. NHIST Programme Annual Report Newsletter. 2006. No. 2. P. 6–10.
- Brož L.* Conversion to Religion? Negotiating Continuity and Discontinuity in Contemporary Altai // M. Pelkmans (ed.). Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and the Technologies of Faith. Oxford; N.Y.: Berghahn Books, 2009. P. 17–37.
- Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 206 p.
- Shnirelman V.A.* From Internationalism to Nationalism: Forgotten Pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s // P. Kohl, C. Fawcett (eds.). Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 120–138.
- Suny R.G.* Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. No. 4. P. 862–896.
- Znamenski A.A.* Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, CT; L.: Greenwood Press, 1999. 306 p.
- Znamenski A.* Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai, 1904–1922 // Acta Slavica Iaponica. 2005. Vol. 22. P. 25–52.

The Ideologeme of Revival and the Construction of Altai Nationalism

Dmitriy Mikhailov

Siberian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

6 Nizhegorodskaya st., Novosibirsk, Russia

damihan@yandex.ru

This paper focuses on the one of the key elements of the national histories — the ideologeme of revival. This element allows overcoming gaps in the historic narrative, which exist due to the selectivity of social memory. The genesis of Altai nationalism is considered as an example of the phenomenon. The ideologeme of revival allowed Siberian regionalists to solve the fundamental problem of the inclusion of foreigners in the modern political process. In the beginning of the 20th century, the content of the ideologeme of revival was changing a lot. These changes depended on the social forces behind the Altai national project: breaking the traditional image of the world generated the notion of Oyrot in revitalisation sense; local intellectuals secularised these ideas in 1917 and set them at the service of nation-building; after that the soviet intrusion linked them to the ideas of liberation. Features of Stalin's national policy led to the combination of the Marxist and positivist attitudes, the ideologeme of revival enabled the removal of theoretical contradictions between forming counter-narratives. The ideologeme of revival took the main place in the national processes of the modern Altai republic, which became multidirectional and conflicting.

Keywords: Altaians, Altai Republic, regionalism, nationalism, social memory.

References

- Anderson B., *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised ed. London; New York: Verso, 2006, 240 pp.
- Arzyutov D. V., 'Sotsialnaya set religioznogo dvizheniya (k probleme ponimaniya sovremennogo Ak-Jar na Altae)' [Social Network of the Religious Movement (On the Understanding of Modern Ak Jang in Altai)], M. P. Chernaya (ed.), *Kultura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadnosibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in Historical Context: Experience of the West Siberian Archeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk: Agraf-Press, 2010, pp. 92–94. (In Russian).
- Berger St., 'Towards Global Perspectives on the Writing of National Histories', *Representations of the Past: The Writing of National Histories in Nineteenth and Twentieth-Century Europe. NHIST Programme Annual Report Newsletter*, 2006, no. 2, pp. 6–10.

- Berger St., 'Natsionalnye istoriografii v transnatsionalnoy perspektive: Evropa v XIX i XX vv.' [National Historiography in Transnational Perspective: Europe in the 19th and 20th Centuries], *Gefter*, 2012, 8 October. <<http://gefter.ru/archive/6412>>. (In Russian).
- Bromley Yu. V., *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka, 1983, 412 pp. (In Russian).
- Broz L., 'Conversion to Religion? Negotiating Continuity and Discontinuity in Contemporary Altai', M. Pelkmans (ed.), *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernities and the Technologies of Faith*. Oxford; New York: Berghahn Books, 2009, pp. 17–37.
- Chemchieva A. P., *Altayskie subetnosy v poiskakh identichnosti* [Altai Sub-Ethnos in Search of Identity]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS Press, 2012, 254 pp. (In Russian).
- Dubrovskiy A. M., 'Ukazuyushchiy dokument 1937 g.' [Directing Document of 1937], V. I. Gulyaev, S. V. Kuzminykh (eds., comps.), *Problemy pervobytnoy arkhologii. K 75-letiyu A. A. Formozova* [The Problems of Prehistoric Archaeology. On the 75th Anniversary of A. A. Formozov]: A Collection of Papers. Moscow: RAS, 2004, pp. 30–35. (In Russian).
- Eliade M., *Le mythe de l'éternel retour: archétypes et répétition*. Paris: Gallimard, 1969, 254 pp.
- Hobsbawm E. J., *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012, 206 pp.
- Kazantsev A. Yu., Zhukov A. V., 'Vliyaniye etnosotsialnykh protsessov na stanovlenie obshchestvennykh dvizheniy i formirovaniye politicheskikh partiy v Gornom Altae v poslednee desyatiletie XX veka' [The Impact of Ethno-Social Processes in the Formation of Social Movements and the Formation of Political Parties in the Altai Mountains in the Last Decade of the 20th Century], O. A. Goncharova (ed.), *Gornyy Altay: istoriya sotsialnogo razvitiya vtoroy poloviny XX v.* [Altai Mountains: A History of Social Development during the Late 20th Century]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Press, 2010, pp. 155–179. (In Russian).
- Khudyakov M. G., 'Dorevolutsionno esibirskoe oblastnichestvo i arkhologiya' [Pre-Revolutionary Siberian Regionalism and Archaeology], *Problemy Istorii Dokapitalisticheskikh Obshchestv*, 1934, no. 9–10, pp. 135–143. (In Russian).
- Martin T., *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001, XVII+496 pp.
- Mikhailov D. A., 'Obraz G. I. Gurkina kak element natsionalnogo samosoznaniya altaytsev' [The Image of G. I. Gurkin as an Element of Altaians' National Identity], L. V. Savinov (ed.), *Obshchestvo i etnopolitika. Mat-ly nauchno-prakt. Internet-konferentsii, 1 aprelya — 15 iyunya 2008 goda* [Society and Ethnic Policies. Proceedings of the Research and Practice Internet Conference. April 1 — June 15, 2008]. Novosibirsk: Siberian Academy of Public Administration Press, 2008, pp. 251–258. (In Russian).

- Mikhailov D. A., 'Altayskiy natsionalizm i arkhеologiya' [Altai Nationalism and Archaeology], *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2013, no. 1, pp. 37–51. (In Russian).
- Mikhailov D. A., 'Sibirskoe oblastnichestvo i zarozhdenie altayskogo natsionalizma' [Siberian Regionalism and the Origin of Altai Nationalism], *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2015, no. 6, pp. 68–85. (In Russian).
- Modorov N. S., 'Leonid Pavlovich Potapov — vydayushchiysya issledovatel istorii, etnografii narodov Sibiri i Tsentralnoy Azii' [Leonid Pavlovich Potapov — a Prominent Researcher of History, the Ethnography of Siberia, and Central Asia], A. K. Kirillov (ed.), *Lichnost v istorii Sibiri XVIII–XX vekov* [Personality in the History of Siberia in 18th–20th Centuries]. Novosibirsk: Sova, 2007, pp. 282–292. (In Russian).
- Sagalayev A. M., *Altay v zerkale mifa* [Altai in the Mirror of Myth]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 176 pp. (Pages of History of Our Motherland). (In Russian).
- Sesyunina M. G., *G. N. Potanin i N. M. Yadrintsev — ideologi sibirskogo oblastnichestva* [G. N. Potanin and N. M. Yadrintsev — Ideologists of Siberian Regionalism]. Tomsk: Tomsk State University Press, 1974, 137 pp. (In Russian).
- Shastina T. P., 'Shaman v literaturnom obraze sovetskoy literaturnoy okrainy. Oyrotiya, 1920–1930-e gg.' [The Shaman in the Literary Image of the Soviet Literary Periphery. Oyrot, 1920–1930s], *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2015, vol. 392, pp. 43–53. (In Russian).
- Sherstova L. I., 'Burkhanizm v Gornom Altae' [Burkhanism in the Altai Mountains], Z. P. Sokolova (ed.), *Narody Sibiri. Sibirskiy etnograficheskii sbornik* [The Peoples of Siberia. Siberian Ethnographic Anthology]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS Press, 1997, vol. 3, is. 8. pp. 171–215. (In Russian).
- Sherstova L. I., *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The Origins of Ethnicity and Religion], ed. by V. P. Zinovyev. Tomsk: Tomsk State University Press, 2010, 287 pp. (In Russian).
- Shnirelman V. A., 'From Internationalism to Nationalism: Forgotten Pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s', P. Kohl, C. Fawcett (eds.), *Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 120–138.
- Shnirelman V. A., 'Sotsialnaya pamyat i obrazy proshlogo' [Social Memory and Images of the Past], *Novoe Proshloe*, 2016, no. 1, pp. 100–129. (In Russian).
- Slezkin Yu., 'Sovetskaya etnografiya v nokdaune: 1928–1938' [Soviet Ethnography Knocked Down: 1928–1938], *Etnograficheskoe Obozrenie*, 1993, no. 2, pp. 113–125. (In Russian).
- Suny R. G., 'Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations', *The Journal of Modern History*, 2001, vol. 73, pp. 862–896.
- Tolz V., *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011, 224 pp.

- Tyukhteneva S. P., *Zemlya. Voda. Khan Altay: etnicheskaya kultura altaytsev v XX v.* [Earth. Water. Khan Altai: Altai Ethnic Culture in the 20th Century]. Elista: Kalmyk State University Press, 2009, 169 pp. (In Russian).
- Yabyshtaev T. S., 'Rodovye prazdniki altaytsev v etnokulturnom diskurse respubliki Altai' [Clannish Holidays of Altaians in Ethnic and Cultural Discourse of the Republic Altai], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2013, vol. 1(20), pp. 112–117. (In Russian).
- Znamenski A., *Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport, CT; London: Greenwood Press, 1999, 306 pp.
- Znamenski A. A., 'Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai, 1904–1922', *Acta Slavica Iaponica*, 2005, vol. 22, pp. 25–52.